

Мустафин, Р. Поэзия правды и страсти [Текст] : [фрагмент статьи о «Моабитской тетради» М. Джалиля] / Р. Мустафин // Джалиль, М. Красная ромашка : избранное / перевод с татарского, вступит статья, составление и примечание Р. Мустафина. – Казань: Татарское книжное издательство, 1981. - С. 37-44.

...Об ужасах фашистской неволи написано немало. Едва ли не каждый год появляются новые книги, пьесы, фильмы на эту тему...

Но никто не расскажет об этом так, как это сделали сами узники концентрационных лагерей и тюрем, свидетели и жертвы кровавой трагедии. В их свидетельствах — нечто большее, чем суровая достоверность факта. В них большая человеческая правда, за которую заплачено самой дорогой ценой — ценой собственной жизни.

Одним из таких неповторимых, обжигающих своей подлинностью документов истории являются и «Моабитские тетради» Мусы Джалиля.

В них мало бытовых деталей, почти нет сколько-нибудь подробных описаний тюремных камер, мытарств и жестоких унижений, которым подвергались узники. В этих стихах иного рода конкретность — конкретность эмоциональная, психологическая.

Чувства поэта предельно обнажены. Связей с большим миром, с жизнью Родины — почти никаких. Муса один на один со своим блокнотом. И эта бедность впечатлений внешнего мира еще отчетливее подчеркивает богатство внутреннего, духовного мира поэта.

По многим стихам моабитского цикла видно, как нелегко приходилось Джалилю. Тоска и отчаяние тяжелым комом застревали в горле. Надо знать жизнелюбие Мусы, его общительность, привязанность к друзьям, жене, дочурке Чулпан, его любовь к людям, чтобы понять всю тяжесть его вынужденного одиночества. Нет, не физические страдания, даже не близость смерти больше всего угнетали Джалиля, а разлука с Родиной, с близкими, смерть на чужбине. Он не был уверен а том, что Родина узнает правду о мотивах его поступков, не знал, вырвутся ли на волю его стихи. А вдруг фашистам удастся оболгать его, и на Родине о нем будут думать как о предателе?

Однако, когда читаешь даже самые мрачные, безысходные строки Джалиля, в душе не остается тяжелого чувства. Наоборот, чувствуешь гордость за человека, за величие и благородство его души. Человек, который так любит свою Родину, свой народ, так привязан к ним тысячами живых нитей, не может исчезнуть бесследно, ибо он существует не только в себе, для себя, но и в сердцах, помыслах, памяти многих и многих людей. В «Моабитских тетрадях» нет мотивов обреченности, пассивной жертвенности, как не было их в здоровой, влюбленной в жизнь душе поэта.

При всей исключительности личной судьбы поэта, его мысли и чувства типичны для многих, поскольку смертельная схватка с фашизмом потребовала от советских людей полного напряжения духовных и физических сил, беспримерного мужества и героизма. Особые обстоятельства, в которых оказался Джалиль, лишь еще сильнее подчеркнули всю меру стойкости советского человека, несокрушимую силу его справедливого гнева и воли к борьбе.

Поэзия Джалиля, таким образом, не ограничивается рамками одной судьбы, пусть даже замечательной, а показывает самые истоки нашей победы.

Но героическое в «Моабитских тетрадах» не исключает трагического. Читая стихи Джалиля, мы ни на минуту не забываем о том, что их написал человек, над головой которого навис топор палача. Как и миллионы его соотечественников, он отдал жизнь за свободу Родины. Сила духа Джалиля не в том, что он совсем не знал страха смерти, а в том, что он умел преодолевать его и гордо, спокойно смотреть в лицо смерти.

Необходимо подчеркнуть в то же время, что стихи, созданные в Моабитской тюрьме,— не просто человеческий документ, но и самая высокая поэзия. Эту поэзию отличает подлинная внутренняя культура, уверенное владение стихом, глубокая национальная основа. По единодушному признанию критики, моабитский цикл — это наивысшее достижение татарской поэзии периода Отечественной войны и одна из вершин впей советской многонациональной литературы.

То, что накапливалось в творчестве Джалиля постепенно, годами, проявилось в ослепительно-яркой вспышке. Со страниц «Моабитских тетрадей» перед нами встает не просто хороший поэт, не просто талант, принадлежащий одному народу, а поэт, по праву принадлежащий к числу лучших сынов человечества.

В своем раннем творчестве Джалиль, стремясь передать пафос общенародной борьбы за свободу, порою терял неповторимость личного, индивидуального. Все, о чем рассказано в «Моабитских тетрадах»,— глубоко личное, сокровенное. Но от этого оно не перестало быть общественно значимым. Здесь был найден тот чудесный сплав личного и общенародного, к которому поэт стремился всю жизнь.

Одно из главных достоинств моабитского цикла, обеспечивших ему широчайшую популярность и всемирную известность, — это ощущение подлинности чувств. Мы верим буквально каждому слову поэта, ощущаем ледяное дыхание смерти, стоявшей за его спиной. И острая боль разлуки, и тоска по воле, и горечь, и сомнения, и гордое презрение к смерти, и ненависть к врагу — все это воссоздано с поразительной, потрясающей душу силой.

В «Моабитских тетрадах» поражает острота ощущения полноты жизни в предчувствии близкой насильственной смерти. Нерв цикла,

его стержневой конфликт — это извечное столкновение жизни и смерти, человеческого и бесчеловечного. Джалиль, столкнувшись с фашизмом лицом к лицу, с особенной остротой и наглядностью выразил мысль об античеловеческой сущности гитлеризма. В таких стихах, как «Волшебный клубок», «Варварство», «Перед судом», разоблачается не просто жестокость и бездушие фашистских палачей. Поэт самой логикой художественных образов подводит нас к мысли о том, что фашизм органически враждебен всему живому. Фашизм и смерть для поэта — синонимы.

Так, в стихотворении «Варварство» показана сцена жестокой расправы фашистских палачей над мирными советскими жителями. Но главное содержание стихотворения — не в столкновении палачей и их жертв, а в противоборстве сил жизни и смерти. Смерть в облике фашистов торжествует, упиваясь своей жестокостью, пьянея от пролитой крови. Но это торжество временное, потому что вся природа негодует против такой бесчеловечности. Реки рыдают, кричат «ручьи, словно малые дети», при виде невинных жертв, и в ярости рыдает и стонет земля, и солнце выходит из туч, чтобы в последний раз поцеловать детские глаза. Все живое, таким образом, ополчается против гитлеровцев, противостоит им. Фашизм по самой своей природе несовместим с жизнью на земле и потому обречен — такова основная мысль стихотворения.

Показывая социальное и нравственное уродство фашизма, поэт прибегает к гротескным, гиперболическим образам, густым и контрастным краскам. Фашист — это подручный смерти, наймит варварства, сгубивший немало живых душ: «когда б земля про всё узнала, Она — разверзлась бы под ним» («Тюремный страж»). В стихотворении «Каменный мешок» фашистская Германия уподобляется гигантской и бездушной мельнице, перемалывающей жизнь людей:

*Мельник злится, от крови пьян:
Не мука — кровь течет из ран.
Жадно пьёт ее клоп проклятый —
Бесноватый, слепой тиран.*

В «Волшебном клубке» поэт прибегает к образам фантастических чудовищ, созданных народным воображением. Гитлеровская Германия представляется поэту мрачным подземным царством сказочного дива-людоеда.

Но ненависть к фашизму как к социальному явлению нигде не оборачивается у Джалиля ненавистью к немецкому народу. Поэт всегда с большим уважением относился к Германии Маркса и Тельмана, Гете и Гейне, Баха и Бетховена. Брошенный в каменный мешок Моабитской тюрьмы, со дня на день ожидая смертной казни, он не хочет верить в то, что весь немецкий народ отравлен ядом нацизма. Глубоко символично, что, задыхаясь во мраке фашистской

ночи, поэт тоскует о солнце — солнце знания, передовой культуры, бессмертных идей марксизма-ленинизма,— верит в то, что оно засияет над обновленной Германией («В стране Алман»).

Вера Джалиля в торжество разума, жизни и света над мраком и безумием настолько велика, что в самый разгар войны, в ноябре 1943 года, он пишет о войне в прошедшем времени, как будто победа уже свершилась:

*Но через слезы, пепел, кровь
Страна к победе шла великой,
И вот земля оделась вновь
В цветы и просветлела ликом.*

(«Цветы»)

По меткому выражению одного из исследователей, в «Моабитских тетрадах» есть целый цикл «послевоенных» стихотворений («После войны», «Уходи, горе», «Раны», «Цветы» и др.). Устремляясь в будущее, поэт живет пафосом мирного труда, творческого созидания. Он пишет о том, как уставшие от крови и смерти люди восстанавливают разрушенные дома, поднимают из руин сожженные села, лечат измученную землю («Помощь весне», «Строитель»).

Эта спокойная и стойкая уверенность в победе, в неодолимости сил жизни рождает своеобразный жизнеутверждающий тон «Моабитских тетрадей». Стихи, написанные накануне казни, то и дело озаряются улыбкой спокойного, уверенного в своем превосходстве человека, а нередко в них звучит смех. Это может показаться неожиданным, даже невероятным, но факт остается фактом: юмористические мотивы сквозной нитью проходят через весь моабитский цикл. Есть здесь и изящные шуточные миниатюры («Соленая рыба», «Беда»), и развернутые сюжетные стихотворения балладного строя, пронизанные добродушной иронией и лукавством («Хадича», «Влюбленный и корова», «Любовь и насморк», «Соседи», «Гроб»).

Лирический герой молодого Джалиля сознательно выбрал путь борьбы, путь тревог, опасностей и риска. Размышляя о юности, сгоревшей в огненном пекле войны, он не жалел о своем выборе, так как жизнь его была отдана высокому и справедливому делу. В моабитских стихотворениях часто звучит мотив, возникший еще в поэме «Больной комсомолец» и глубоко аргументированный в записках, сделанных по дороге на фронт: человек, погибающий за правое дело, бессмертен, ибо его ожидает жизнь «в сознании, в памяти народа». В таких стихах, как «Сталь», «Дороги», «Не верь» и других, тема героической борьбы и гибели во имя общего дела получает лирико-философское решение.

В стихах моабитского цикла запечатлены и раскрыты с огромной эмоциональной силой и убедительностью жизненная программа Джалиля, его самые заветные убеждения, его нравственная

концепция.

Моабитские стихи убеждают в том, что коммунистическая идеология не была для поэта суммой готовых книжных истин; она сделалась системой его мышления, неотъемлемым достоянием его ума и сердца. Джалиль всегда чувствовал себя на передовой линии борьбы за новую жизнь, всегда был и до последнего вздоха оставался верным сыном партии. Советский патриотизм, чувство коллективизма и пролетарского интернационализма определяли жизненную позицию Джалиля, одушевляли его творчество. В «Моабитских тетрадах» с необыкновенной яркостью и полнотой раскрылась гуманистическая сущность мировоззрения Джалиля.

Занимающая значительное место в моабитском цикле интимная лирика убедительно свидетельствует о силе чувств лирического героя, его цельности, чистоте души, высокой человечности. Поэт верит в животворную силу любви, это чувство обогащает его, придает стойкость и мужество в минуты самых тяжелых жизненных испытаний. Подобно Юлиусу Фучику, герой моабитского цикла готов, не колеблясь, пойти под топор палача, лишь бы хоть в чем-то облегчить участь сражающегося народа, хоть на день, хоть на час приблизить миг желанной Победы.

Многонациональная советская литература военных лет создала впечатляющий и жизненно правдивый образ солдата, верного своему патриотическому и интернациональному долгу. Рожденный Октябрем советский характер — вот основа народного подвига. Герой Джалиля так же, как герои Симонова и Твардовского, Корнейчука и Фадеева, принадлежа великому братскому единству советских людей всех национальностей, остается и сыном своего родного народа.

Этим определяется своеобразие восприятия им мира, особенности личности, весь его житейский и духовный опыт. Он взращен традициями, обычаями своего народа, с молоком матери впитал родной язык, богатства устно-поэтического творчества. Национальная почва придает герою поэзии Джалиля неповторимую конкретность и убедительность. Поэт постоянно прибегает в своих стихах к бытующим среди татар сказкам, песням, легендам, поэтическим сказаниям, обращается к истории своего народа и его революционным традициям. Так, он усматривает прямую связь между судьбой своего героя и жизнью одного из первых татарских большевиков-ленинцев Хусаина Ямашева («Тюремный страж»).

Национальное своеобразие поэзии Джалиля проявляется, в частности, в переплетении в моабитских стихах романтических и реалистических начал. Так, баллады «Праздник матери», «Соловей и родник», «Рубашка» и другие построены с широким использованием стилистических и жанровых особенностей устного творчества татарского народа. Поэт отказывается здесь от бытовых деталей, житейской достоверности, прибегает к укрупненному масштабу

изображения и показывает героизм в его, если можно так выразиться, «очищенном» виде. Как верно подметил В. Воздвиженский, советский воин выступает у Джалиля, как правило, в облике удалого джигита на горячем коне. При этом перед нами — не реальный боец-кавалерист, а традиционная эпическая фигура, перекликающаяся с народными песнями и дастанами¹. С другой стороны, он смело соединяет фольклорные традиционные образы с деталями повседневного воинского и житейского быта: на вооружении у джигита рядом с вполне современным автоматом — сказочный меч, романтический алмазный булат. Волшебная рубашка, возвращающая жизнь убитому на фронте бойцу, посылается обыкновенной посылкой через самое прозаическое почтовое отделение.

В стихотворении «Раб» автор не рисует подробной картины жизни военнопленного, избегает конкретных деталей, обращаясь к условно-аллегорическим образам: пленника гонят в тыл бичами, он сгибается под грузом, навьюченным на пего, как во времена древнего рабства. В результате перед нами встает образ невольника, типичного для всех времен. Джалиль апеллирует к таким краскам, чтобы пробудить фантазию читателя, натолкнуть его на размышления о позоре плена, унижительной участи любого раба.

Такого рода образы восходят не только к эпическому наследию татарского народа, но и к романтическим мотивам татарской литературы, в частности к творчеству поэта и драматурга Ф. Бурнаша. Национальные художественные традиции во многом определяют и объясняют возвышенную, героико-романтическую тональность моабитского цикла.

Особое место среди стихов из «Моабитских тетрадей» занимают песни, созданные в духе народного песенного творчества («Костяника», «Песня», «Платок», «Лишь была бы волюшка» и др.). Поэт развивает лучшие традиции этого популярного жанра, опираясь на яркую образность татарского фольклора. Он отлично чувствует особенности музыкальной фразы и песенного сюжета, добивается емкого афористического звучания каждой строки. Многие из песен, написанных в Моабитской тюрьме, до сих пор звучат с эстрады» бытуют в народе.

Надо подчеркнуть еще одну особенность моабитского цикла. Многие моабитские стихи построены как прямое обращение, лирическое послание к любимой, к дочери Чулпан, к друзьям, единомышленникам. В одних стихах адресатом является Родина, родная земля, народ («Прости, Редина!», «К Двине», «Лес», «Волшебный клубок»), в других — враждебные силы («Палачу», «К смерти» и др.). Конкретность адресата придает поэтической речи

¹ Дастан — эпическое сказание героического или любовного характера.

Джалиля особую взволнованность, достоверность и проникновенность

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1956 года за исключительную стойкость и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, Мусе Джалилю посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. А еще через год Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР присудил Мусе Джалилю — первому среди поэтов — Ленинскую премию за цикл стихотворений «Моабитская тетрадь».

В этом факте наглядно проявилось общенародное признание поэзии Джалиля как яркого образца героического искусства.

Творческое наследие поэта-патриота стало ныне интернациональным достоянием.

В предисловии к одному из сборников Джалиля башкирский народный поэт Мустай Карим писал: «Мы благодарно думаем о татарской нации, сыном которой является Муса Джалиль. Она вложила накопленные веками свои душевные драгоценности в сердце сына... Муса Джалиль стал одной из вершин величия и гордости советского народа; именно такие, как полномочные послы, представляют свою Родину во всемирном духовном общении народов и племен. По ним судят люди мира о разуме и сердце народа, породившего их».

Подвиг Джалиля и сегодня, несколько десятилетий спустя, служит примером подлинного мужества, верности гражданским идеалам. Немецкий публицист и переводчик, исследователь биографии Джалиля и страстный пропагандист его творчества в ГДР Леон Небенцаль писал в одной из своих статей: «В той борьбе, которую мы ведем против сил реакции, мы чувствуем великого поэта рядом с собой».

Наследие Мусы Джалиля стало живой неотъемлемой частью сегодняшнего многонационального литературного процесса. Вобрав в себя и национальные традиции, и влияние восточной поэтики, испытав благотворное воздействие русской и всей мировой литературы, творчество Джалиля, в свою очередь, стало новым шагом в развитии этих традиций. Джалиль обновил и обогатил гражданское звучание, издавна отличавшее татарскую поэзию, привнес в нее яркий мотив героики. Можно утверждать, что «Моабитские тетради» Джалиля положили начало новой традиции, оказывающей прямое и благотворное влияние на последующие поколения татарских, да и не только татарских, писателей.

Все дальше уходят в прошлое события Великой Отечественной войны. Выросло уже новое поколение, знакомое с минувшей войной лишь по фильмам и книгам. Но подвиг советского народа живет, И Джалиль навечно с нами. Его имя носят улицы, пионерские отряды и

дружины, колхозы, театры, клубы, пароходы. Его именем назван город в нефтяных районах Татарии и центральный проспект в Набережных Челнах, только что отстроенная улица в молодом поселке Беркакит на БАМе и одна из высочайших вершин в Антарктиде.